

Виктор Пронин

Запрещенный прием

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин

Запрещенный прием

Серия «Ксенофонов и Зайцев», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154173

*Виктор Пронин. Слишком большое сходство: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13116-7*

Аннотация

«Разложив на столе множество фотографий, Ксенофонов медленно и отрешенно переводил взгляд с восторженного девичьего лица на угрюмую физиономию смуглого детины, останавливался на умиленно сложенных губках пожилой женщины, потом его чем-то привлекал мужчина в годах, добродушный и усталый. Все это были женихи и невесты, которые обратились в газету с просьбой найти им спутника жизни. А Ксенофонов, пройдя по многочисленным служебным ступенькам редакционных коридоров, оказался в конце концов в этой маленькой комнате за фанерной дверью с приклепленной бумажкой – «Брачные объявления». Какой-то остряк переправил в первом слове «б» на «м», придав этому помещению совсем уж беспросветный характер...»

Виктор Пронин

Запрещенный прием

Разложив на столе множество фотографий, Ксенофонтов медленно и отрешенно переводил взгляд с восторженного девичьего лица на угрюмую физиономию смуглого ребенка, останавливался на умиленно сложенных губках пожилой женщины, потом его чем-то привлекал мужчина в годах, добродушный и усталый. Все это были женихи и невесты, которые обратились в газету с просьбой найти им спутника жизни. А Ксенофонтов, пройдя по многочисленным служебным ступенькам редакционных коридоров, оказался в конце концов в этой маленькой комнате за фанерной дверью с приклепленной бумажкой – «Брачные объявления». Какой-то остряк переправил в первом слове «б» на «м», придав этому помещению совсем уж беспросветный характер. Кто-то на собрании припомнил, что Ксенофонтов когда-то писал очерк о партийном работнике, кто-то в нем самом не увидел должного митингового азарта, кому-то показалось, что он недостаточно приветствует демократические устремления президента... В результате Ксенофонтов был отлучен от активной журналистики и для перевоспитания отправлен на устройство несостоявшихся судеб.

Сказать, что новые обязанности очень уж его огорчили... Нет, этого сказать было нельзя. Ксенофонтов увлечен-

но расписывал прелести местами сохранившейся пенсионерки, искренне переживал неудачи юных созданий, которые безуспешно искали молодого человека без вредных привычек, но с квартирой и ростом под сто восемьдесят.

– Ну, чтобы он был как вы примерно, – краснея, говорили девицы. – Только немного помоложе.

– А я, выходит, для вас уж и не гожусь? – обижался Ксенофонов.

– Ну почему... Вы тоже годитесь.

Снимков было много, со всеми этими людьми Ксенофонов перезнакомился, некоторые здоровались с ним на улице, он уже заранее знал, какого жениха или какую невесту хочет тот или иной его заказчик, в меру сил и разума старался уладить их жизнь.

– Ну что, всех переженил? – спросил Зайцев, входя без стука и тут же падая в кресло.

– Ты вот только остался. Но, боюсь, безнадежный случай.

– Это почему же?

– Уж больно ты невзрачный какой-то... Ростом не вышел, лицо тоже... Без умственных следов. Что у тебя еще есть? Зарплата? Твоя зарплата нынче людей только смешит. Взятки тебе не дают...

– Потому что не беру!

– Какая разница... Да и не берешь ты вовсе не потому, что очень уж нравственный. Просто боишься потерять даже эту зарплату... Квартира у тебя? Должность? Будущее? – Ксено-

фонтов с нескрываемой жалостью посмотрел на Зайцева. – Ничего у тебя нет. И не будет. Ты это должен знать твердо и окончательно, чтобы не пудрить мозги пустыми надеждами.

– Скоро все изменится, – проговорил следователь без большой уверенности.

– Да. Скоро. Но не при нашей жизни, Зайцев. Нам с тобой придется доживать свои годы, если, конечно, нам отмерены годы, вот в этих условиях, – Ксенофонтов кивнул в сторону окна. Он не глядя сгреб все снимки в кучу, сунул в конверт. – Что у тебя? Опять небось человека убили?

– Убили. Кстати, невесту.

– Видишь, какой из тебя работник... Даже невесту не смог уберечь. А у меня, между прочим, все невесты живы, все женихи здоровы, и я время от времени посещаю свадьбы, смотрины, крестины и прочие радостные события в жизни людей.

– Это хорошо, – кивнул Зайцев, похоже, не услышав ни слова. – Они ее изнасиловали в парке... По очереди... Потом покуражились, как хотели... Живого места не оставили. И это... Задушили. Палкой задушили. Положили на горло, один встал на один конец, другой – на другой... При ней была коробка с фатой и два колечка обручальных. Фатой подтерлись и выбросили, а колечки себе взяли. По колечку на брата.

– Кошмарная история. – Ксенофонтов взял со стола стопку почтовых конвертов, подровнял их, отложил в сторонку. Потом взял стопку писем поменьше, постучал ими по столу,

отодвинул. А рядом положил один-единственный конверт. Получилась как бы лестничка из трех ступенек.

– Я их вычислил и задержал в течение суток, – сказал Зайцев.

– А колечки? Изъял?

– Изъял. Говорят, нашли. Но за сутки, представляешь?

– Молодец, – похвалил Ксенофонтов, думая о своем. – Умница. Я всегда верил в тебя. Я всегда знал, что мой друг Зайцев... когда-нибудь еще заявит о себе.

– Обоих задержал.

– Потрясающе. Ты просто гигант. Нет слов, Зайцев. Но скажи мне, ты когда-нибудь сталкивался в своей жизни с тайнами человеческой психики?

– А что это такое?

– Это нечто такое в поведении человека, в его ощущениях, в его суждениях, чего ты объяснить не можешь. Было у тебя такое?

– Никогда, – твердо ответил Зайцев. – И не будет.

– Бедняга, – вздохнул Ксенофонтов. – Мне тебя жаль. Смотри, вот стопка писем, – он показал на самую высокую ступеньку. – Здесь их около полусотни. Все адресованы одному человеку.

– Жениху? – хмыкнул Зайцев.

– Да. Жениху. Мы опубликовали его объявление, и вот – пожалуйста – полсотни писем. А это, – Ксенофонтов показал на маленькую стопку, – получили все остальные женихи и

невесты.

– Чем же он их всех так привлек?

– Вот! – воскликнул Ксенофонов, подняв длинный указательный палец. – Вопрос, достойный высокого и ясного ума! Чем? Невысокого росточка мужичок, ему явно за сорок, одевается чисто, опрятно, но я уверен, что никто его одежкам не завидует. Все заношенное, заштопанное, перелицованное. И объявление самое обычное, у нас все объявления стандартные. Рост, работа, квартира, вредных привычек нет... Как и у всех. И еще заметь – он приходит ко мне каждую неделю и уносит по такой вот пачке.

– Невероятно! – Зайцев сказал это так, что было ясно – он просто сделал одолжение.

– И тогда я решил провести опыт... Напечатал брачное объявление со своими собственными данными, но полностью, до последней запятой воспроизвел объявление этого жениха.

– И тебя засыпали предложениями? – чуть ревниво спросил Зайцев.

– Ни фиги! Пришло одно письмо.

– Красавица?

– Мужик.

– Предложил себя в спутники жизни? – Зайцев усмехнулся, как может усмехнуться человек, постоянно сталкивающийся с проявлениями всевозможных криминальных извращений.

– Он предложил костюм. У него костюм есть – как раз по моим размерам, – Ксенофонтов взял конверт, одиноко лежавший на столе, вынул из него письмо, протянул Зайцеву. – Убедись. Предлагает только костюм. Думаю сходить к нему... Серый цвет, темная полоска... Финский, опять же, а?

– Сходи, обязательно сходи. Да, а парень той девушки умом тронулся. Каждую ночь с солдатским штыком в парк идет и до утра в кустах сидит. Ждет, когда еще кого-нибудь насиловать будут. Тогда он бросится и прикончит злодеев.

– И правильно сделает, – кивнул Ксенофонтов.

– Двое оперативников его страхуют. Он ведь может кого угодно порешить.

– Но это ты... славно сработал. Обоих убийц в камеру запер? Я правильно понял?

– Запер-то запер...

– Так вот мой жених... Я, как и он, пожелал женщину не старше тридцати, не выше ста семидесяти, как и он оговорил, чтобы она умела готовить, печь пироги, любила бы детей...

– Я знаю, – перебил Зайцев. – Ты уже рассказывал. Тебе предложили прекрасный финский костюм – вот и бери не раздумывая. Через месяц продашь в десять раз дороже.

– Но почему он получает столько писем?! – взревел Ксенофонтов.

– Отвечаю, – тихо проговорил Зайцев. – Завтра я должен

выпустить насильников.

– Не надо, – поспешно сказал Ксенофонтов. – Это будет нехорошо с твоей стороны. Или ты хочешь, чтобы тот парень с ними расправился?

– Понимаешь... Они верят друг другу. Эти два подонка, эти насильники и убийцы полностью доверяют друг другу. Я держу их в разных камерах, в разных концах коридора, на разных этажах изолятора, чтобы они даже при случайной встрече перемигнуться не могли. И до сих пор ни один из них не дрогнул.

– А ты, конечно, уверяешь каждого, что другой все валит на него?

– Ну... Не то чтобы уверяю, но... Даю понять, – смешался Зайцев. – Обычная, кстати, практика. Когда нет улик и доказательств.

– Нехорошо, – пристыдил Ксенофонтов. – Даже по отношению к насильникам и убийцам. О себе надо больше думать, Зайцев. О себе.

– Это в каком же смысле?

– Применив ложь, обман, лукавство, ты уже не сможешь к себе относиться с должным уважением. Нет, ты, конечно, и после этого можешь преклоняться перед собой любимым, но это уже не то... И на твоё объявление о поисках красивой девушки, которая любит детективы и умеет быстро стирать мужские носки... боюсь, никто не откликнется. Разве что какой-нибудь пенсионер предложит зачитанное до дыр

собрание детективов. Честность – лучшая политика, Зайцев. И могу добавить – самая выгодная политика. Мой жених, – Ксенофонов положил ладонь на толстую пачку писем, – ни в чем не приукрасил себя. Хочешь, прочту его объявление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.